

книги – женскому естеству и плодородию рек, определяющим характер религиозного поклонения им, – а тому, что составляет обычное содержание представлений о реках – об их способности содействовать в обретении заслуг и очищении от греха. Основываясь на выводах, сделанных в предыдущих главах, автор приходит к выводу, что в основе этой способности лежит не очищающая, т.е. смывающая энергия воды, а ее «мокрота», т.е. влажность, представляющая параллель с изобилием.

Созданная в рамках «религиозной географии» монография – примечательное явление в науке. И хотя автор широко использует привычную терминологию – «брахманический»/«фольклорный» и др., – она прекрасно осознает, что эта дихотомия не исчерпывает неоднородное пространство индуизма. Уникальный по широте и глубине охвата материала труд Энн Фелдхаус, безусловно, станет важным добавлением к дискуссиям о сущности индуизма – и к «уровням» Дюмона и Покока, и к «компонентам» Зонтхаймера*.

В заключение – короткая легенда, которая будет неоднократно упоминаться в тексте первой главы: «В тех местах, где сейчас течет река Кришна, не было дождей и не было питьевой воды. Возле Сатары, где под Махабалешваром берет свое начало река Кришна, есть высокая гора. Поскольку в тех местах не было питьевой воды, каждый раз люди были вынуждены ходить за 25–30 км и доставать там воду... Как можно было ходить за водой на такое расстояние? И одна женщина по имени Кришна сделала вот что: она прыгнула с горы вниз. И после того, как она прыгнула, из того места забила вода. Это была река, которая теперь имеет название Кришна...»

I.P. G l u s h k o v a. About the book by A. Feldhaus «Water and Womanhood. Religious Meanings of Rivers in Maharashtra»

The author presents a short review of the book and makes her own comments.

© 1997 г., ЭО, № 3

Э. Ф е л д х а у с

**ВОДА И ЖЕНСКОЕ ЕСТЕСТВО.
РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕК МАХАРАШТРЫ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГОРЫ, РЕКИ И ШИВА

Первая глава познакомит читателя с наиболее очевидным примером параллелизма среди различных типов религиозных откликов на реки в Махараштре. Эти отклики поступают из совершенно разных времен и социальных групп и обнаруживаются во множестве мест Махараштры. Параллелизм этих откликов свидетельствует о широко распространенном и глубоко укоренившемся согласии в отношении основополагающего религиозного факта: о существовании важной связи между горами, реками и богом Шивой.

В этой главе я рассуждаю о проявлениях этой связи в трех религиозных способах выражения: архитектурной организации некоторых специальных мест паломничества, сюжете из текста жанра *махатмья* и типе деревенского ритуала. Места паломничества, с которыми связаны мои рассуждения, находятся в верховьях ряда рек Маха-

* Dumon L., Pocock D. On the Different Aspects of Levels in Hinduism // Contributions to Indian Sociology. 1959. № 3. P. 40–54; Sonthheimer G.-D. Hinduism: The Five Components and Their Interaction // Hinduism Reconsidered. New Delhi, 1991.

раштры; сюжет представляет собой историю о сошествии Ганги (Ганга), а ритуал – перенос речной воды в храм ближнего или дальнего бога.

В мои намерения не входит наделение приоритетом какого-либо одного из указанных способов выражения религиозности. Я не могу судить, какой из них – сюжет, архитектура или ритуал – появился сначала. Я также не в состоянии продемонстрировать происхождение одного из другого. Я могу, однако, показать, что параллелизм существует и обнаруживается он в совершенно различных религиозных жанрах и в разнообразных социальных, географических и исторических контекстах.

Истоки рек

Хорошо известная маратхская поговорка предостерегает: «Не разыскивай истока реки и родословной мудреца». Словарь маратхских поговорок трактует данную поговорку как предупреждение против ошибочных оценок: у реки или у мудреца может быть скромное происхождение и только на основании этого не следует выносить суждение. Указанную поговорку можно также трактовать как сопоставление довольно сложной родословной некоторых мудрецов с разветвленностью источников, дающих начало реке. Большинство рек образуется слиянием бесчисленных крошечных ручейков и речушек; некоторые из них время от времени пересыхают, и ни одна из речушек не является с достаточной очевидностью «тем самым истоком».

Примечательно, что у всех главных и неглавных рек, которые берут свое начало в Махараштре, одна какая-то точка идентифицируется и маркируется как «тот самый исток» и становится местом поклонения и паломничества. Выбор такой точки является превосходным примером того, что может быть названо «культурным конструированием» ландшафта: все соглашаются и никто не высказывает сомнений относительно расположения «того самого истока», хотя «культурное конструирование» и остается в некоторых отношениях весьма спорным.

В Махараштре, как и повсюду в Индии, истоки рек превратились в места паломничества. Здесь имеются храмы, водоемы, ступеньки и прочие архитектурные сооружения, которые предназначены для создания удобств паломникам во время их визитов и оформления наиболее значимых характеристик того или иного места. Я остановлюсь на трех местах паломничества – в верховьях реки Годавари на Брахмагири в Тръямбакешваре, в верховьях реки Кришны в Махабалешваре и в верховьях реки Бхимы на Бхимашанкаре. «Те самые истоки» этих и других рек в местах их возникновения выбираются и обустроиваются таким образом, чтобы оказался выраженным и воплощенным целый ряд важных представлений. Одно из этих представлений заключается в том, что реки берут свое начало в горах, в непосредственной близости от Шивалингамов.

Справочник Бомбейского президентства по Насикскому округу за 1883 г. отмечает, что ручей, который обычно принимается за начало реки Годавари в Тръямбакешваре, не является ни самым широким, ни самым длинным из сливающихся вместе и образующих реку потоков:

«Один из родников [дающих начало Годавари] находится как раз под крутым откосом западного склона Тримбакского амфитеатра, где располагается храм, до которого добираются по пролету хорошо выложенных каменных ступеней. Более крупный, но и удаленный родник берет начало на гребне, соединяющем горы Тримбак и Брахма. Здесь, однако, отсутствует впечатляющее природное образование, способное оказать поддержку верованию в небесное происхождение реки, и поэтому этот ручей игнорируется в пользу своего меньшего по размерам соперника»¹.

Еще более явный пример культурной манипуляции природными феноменами – храм Панчаганги («Пять рек») в Махабалешваре. Внутри этого храма демонстрируется, как из пяти разных ниш в его западной стене берут свое начало реки Кришна, Койна, Вена, Гаятри и Савитри. Из дополнительной ниши в северной стене, как говорят, раз в 12 лет целый год течет Ганга, а из седьмой ниши в южной стене одну неделю

каждые 60 лет течет Сарасвати. Ученые и путешественники, писавшие об этом месте в XIX в. и в первой половине XX в., отмечали, иногда с возмущением, искусственность всего сооружения. Однако более интересным, нежели искусственность, является космологическое значение того, что было здесь создано. Храм Панчаганги превращает Махабалешвар – один из наивысших пиков Сахъядри, в центр, откуда расходятся реки: Гаятри и Савитри – на запад в направлении прибрежной полосы Конкана, а Кришна, Вена и Койна – на восток и юго-восток на Деканское плато (Деш).

Более того, расположенный неподалеку другой махабалешварский храм являет собой пример широко распространенной и глубоко укоренившейся ассоциации между реками и богом Шивой. Махабалешварский храм Шивы находится на небольшом расстоянии от храма Панчаганги, в нижней части плавного спуска. Шивалингам Махабалешварского храма – *сваямбху*, или «самосформировавшийся», представляет собой слегка приподнятую часть естественного выступа горной стены, около пяти футов в диаметре. Поверхность лингама – грубая, покрытая глубокими трещинами и выбоинами. Один из жрецов-гуравов² сравнил ее с бусиной Рудракши³. Вода, которая застаивается во впадинах на поверхности лингама, воспринимается как принадлежащая тем самым рекам, которые «истекают» из храма Панчаганги, – всем семи, в соответствии с одной версией, или только постоянным пяти – в соответствии с другой.

Большинство людей, проживающих сегодня в Махабалешваре или посещающих его, убеждены, что реки берут свое начало в храме Панчаганги и затем уходят под землю, чтобы появиться на махабалешварском лингаме. Однако другая традиция, поддерживаемая санскритской махатмъей данной местности, утверждает, что реки возникают на верхушке лингама и затем текут под землей вверх по плавному спуску в храм Панчаганги⁴. Это «антигравитационное» поверье является всего лишь крайним выражением того шаблонного представления, которое может быть обнаружено во многих других местах. И на Бхимашанкаре, и в Тръямбакешваре, например, основной храм Шивы расположен намного ниже по холму от небольших водоемов, в которых, как считается, берут свое начало Бхима и Годавари. И в обоих местах вода рек понимается как текущая вниз, просачивающаяся и тем или иным образом поступающая в храм на Шивалингам. Но на Бхимашанкаре представление о том, что вода поступает из Шивалингама (или *пинд*, как его чаще называют в Махараштре), подкрепляется легендой, что воды реки Бхимы произошли из пота Шивы, который разгорячился во время происшедшей здесь битвы с демоном Трипурасура.

Ни в одном из этих мест, даже в сезон дождей, не существует непрерывного и видимого потока воды, текущего из истока реки к храму Шивы или к признанному руслу реки в лежащей ниже долине. Наоборот, кроме проявления (или невидимого существования) на Шивалингаме или под ним, каждая из рек обнаруживается еще и в нескольких точках между своим истоком и тем местом, откуда она начинает течь непрерывным потоком. Религиозно-географическое представление, согласно которому реки берут начало в горах вблизи от Шивалингама, поддерживается приятием того, что реки текут невидимо, или в «упрятанной» форме, между теми точками, где вода может быть видна.

В Тръямбакешваре река Годавари, кроме своего источника-водоема, появляется еще в двух точках на вершине Брахмагири перед тем, как спуститься к Гангадвару – месту, описанному в отрывке из справочника и процитированному выше, где на полдороге к подножию вода через отвесную скалу сочится наружу. В Гангадваре вода исчезает в расщелине горной гряды, ненадолго появляется в Рамкунде и Лакшманкунде, на некотором расстоянии от Гангадвара, и затем снова выходит на поверхность как объемная масса воды в Кушавартском резервуаре в деревне Тръямбакешвар⁵. Из Кушаварта река направляется под землю – на этот раз по каналу, проделанному человеком, – и в Тръямбакешварский храм. Омыв здесь бога, река проходит под храмовым двором к довольно мелкой (и часто пересохшей) ложине за изгородью двора.

В Махабалешваре воды Кришны (вероятно, в сопровождении вод других четырех, а иногда и пяти или шести рек, возникающих одновременно с ней в нишах храма Панчаганги) появляются вновь еще в восьми резервуарах (*кундах*), или *тиртхах*. Два из них находятся в храме Панчаганги. Вытекающая из пяти (или семи) ниш в задней части храма вода сводится воедино в общую струю через водоводы. Отсюда через рот каменной коровьей головы она перетекает в два водоема, сооруженных так, чтобы принимать воду поочередно⁶. Последние три резервуара или, тиртхи, Махабалешвара расположены на достаточном расстоянии от основной группы храмов, в старом, теперь уже практически заброшенном храме, называемом храмом Кришны (Кришнабаи), или просто «Старый храм». Этот храм, откуда открывается вид на верхнюю часть долины Кришны, стоит на гребне высокого и крутого утеса. Однако вместо того, чтобы прыгнуть с него, как это сделала женщина из легенды*, река из последнего резервуара уходит под землю, восстанавливаясь в цельном и зримом виде в долине внизу.

Река Бхима, похоже, не проявляет себя в какой-либо точке между своим истоком и уровнем храма Бхимашанкара, расположенного ниже истока. Но на этом нижнем уровне она, в дополнение к явлению в храме, появляется в двух резервуарах: один используется для питьевой воды, другой – для омовения. Из последнего Бхима направляется к подножию холма под землей, т.е. в «упрятанном» виде. Она ненадолго появляется сначала в реке под названием Сакша Ганеш, примерно на расстоянии полутора миль от храма Бхимашанкара, и затем в местечке Гупта Бхимашанкар, где набирается достаточно много воды для того, чтобы мог сформироваться водопад, выскочивший в скале пинд. В шести километрах ниже Бхимашанкара, в местечке Котешвар, река, наконец, изливается широким потоком. Некоторые паломники перед тем, как подняться на холм к храму Бхимашанкара, направляются в Котешвар и совершают там омовение.

Начальные маршруты Кархи, Ниры и Пайнганги прерываются аналогичным образом. Считается, что Карха берет свое начало под пиндом храма Чатурмух Махадев, расположенном на горе Суварна Донгар («Золотая гора»), примерно в 25 км к западу от Сасвада. Первый раз река появляется во впадине на пути вниз – к подножию горы и затем она приобретает вид неширокого и часто пересыхающего ручья, протекающего через Сасвад, Джедзури, Моргав и Пандешвар до места впадения в Ниру около Сонгава.

Происхождение Ниры связывают с кундом, расположенным в горной долине возле деревни Ширгав («Голова-город»), рядом с перевалом Варандха в Сахъядри. Вода вытекает изо рта каменной коровьей головы и струится вниз по узкому проходу в середине долины. Здесь же находится небольшой храм Махадева – без крыши, со стенами из поставленных друг на друга камней, с маленьким пиндом и безносым Нанди.

Пайнганга берет начало в небольшом заброшенном кунде возле храма Будхнешвара, где Шива представлен лингамом с изысканно вырезанными пятью ликами. Это место находится возле хребта, разделяющего округа Дзална и Булдохана, а также Маратхваду и Видарбху (историко-географические районы Махараштры).

Во всех этих местах людьми было приложено немало интеллектуальных усилий и архитектурной эрудиции для подкрепления идеи того, что реки берут свое начало в горах по соседству с Шивалингамом. Литургическое соответствие этой идеи обнаруживается в воде, которая в хорошо обихоженных храмах Шивы беспрестанно истекает на лингам из маленького отверстия в днище сосуда, подвешенного сверху. Метеорологическим соответствием является дождь, который особенно изобильно орошает эти горные вершины. А мифологическим соответствием является сюжет о шовестии Ганги: вода с небес падает на гору Меру, а южный поток с Меру – на голову Шиве.

*См. заключительную часть статьи И.П. Глушковой. – Прим. ред.

Сошествие Ганги

В соответствии с Гаутами махатмъей, санскритской махатмъей реки Годавари, Годавари представляет собой южное ответвление североиндийской реки Ганги⁷. Текст санскритской версии начинается с длинного и запутанного описания происхождения Ганги и такого же длинного повествования, включающего семь глав и более 400 строф.

«Демон Тарака изводил богов. Поскольку Тарака мог быть сражен только сыном Шивы, боги задумали женить Шиву на Парвати, дочери Гималаев. Парвати, в свою очередь, предавалась аскезе с тем, чтобы обрести Шиву в качестве мужа. Боги послали Каму, и тот должен был выпустить в Шиву стрелы вождения. Шива испепелил Каму, но согласился взять в жены Парвати.

Свадьбу сыграли в доме отца Парвати в Гималаях. Это было великолепное празднество. Во время церемонии перед взором Брахмы промелькнул кончик пальца ноги невесты. Охваченный постыдной похотью, он обронил на землю семя. Устыдившись, Брахма ногой втер семя в землю и таким образом создал крошечных мудрецов, которых стали называть Валакхилья. А Шива протянул Брахме глиняный кувшин с водой, чтобы он смыл свой грех.

Благочестивый царь-демон Бали процветал. Обеспокоенные возвышением Бали, боги пришли к Вишну за помощью. Вишну обратился в Ваману – брахмана-карлика и появился в том месте, где Бали совершал жертвоприношение. Он попросил Бали подарить ему столько земли, сколько он отмерит тремя шагами. Бали согласился, и Вишну вырос в гиганта. Первым шагом он охватил всю землю, вторым шагом добрался до обители Брахмы, т.е. рая. Третьим шагом Вишну опустил на спину Бали и сделал его хозяином подземного царства.

Когда во время второго шага нога Вишну оказалась в раю, Брахма оказал ему традиционное гостеприимство и омыл его ногу водой. Для этого Брахма использовал всю воду, что у него была, – ту самую, из глиняного кувшина, которую ему раньше дал Шива. Вода, отскочив от ноги Вишну, упала на гору Меру. Оттуда она потекла в четырех противоположных направлениях, и южный поток Шива принял на спутанные ключья своих волос.

Парвати почувствовала ревность к воде (теперь уже женщине по имени Ганга), оказавшейся в волосах Шивы. Чтобы вытеснить Гангу оттуда, Ганеша задумал заговор. Переодевшись в брахмана, он отправился на Брахмагири (Тръямбакешвар) в обитель мудреца-брахмана Гаутамы, где Брахма однажды совершил жертвоприношение. Повсюду была засуха, но в ашраме Гаутамы еда была в изобилии, и по этой причине там собралось множество брахманов. В соответствии с наставлением Ганешы, Джая – служанка и наперсница Парвати – превратилась в корову, забралась на рисовое поле Гаутамы и стала там пастись. Гаутама попытался прогнать ее былинкой. Но едва былинка коснулась коровы, как та упала замертво. Из-за этого гости Гаутамы – брахманы – пригрозили уйти. И тогда Гаутама предложил добыть воду из спутанных волос Шивы. За водой Гаутама направился в дом Шивы, на гору Кайлас.

Гаутама исполнил хвалебный гимн в честь Шивы. Он предложил Шиве отправить Гангу на Брахмагири и попросил сделать так, чтобы река обладала определенными свойствами. Шива дал Гаутаме клочок своих волос. Гаутама вернулся с клочком обратно, возложил его на Брахмагири, и тотчас же заструилась вода. Гаутама совершил круговой обход вокруг Ганги и решил искупаться с обоих берегов реки. Это Шива рассказал Гаутаме о святости реки и дал наставление искупаться в ней.

Позже, уже после того, как брахман Гаутама опустил Гангу на землю на Брахмагири, другой рукав реки был опущен на землю кшатрием Бхагиратхой. Бхагиратха раздобыл [оставшуюся] в ключьях волос Шивы воду для того, чтобы sprysнуть ею своих великих дядьев, 60 тыс. сагаров [династическое наименование. – Прим. пер.] Сагары несколько поколений тому назад были обращены в пепел в подземном царстве, когда попытались спасти от принесения в жертву их отцом коня. Оживив сагаров, Бхагиратха отправил Гангу в Гималаи. Оттуда она и течет по Северной Индии и впадает в океан на востоке».

Этот сюжет, который фактически является смешением различных историй и их фрагментов, обнаруживаемых в ведической, эпической, пуранической и устной версиях, «сработан» таким образом, чтобы все три главных бога пуранического пантеона – Брахма, Вишну и Шива – сыграли свою роль в сотворении и спуске реки на землю. В данном сюжете ничего не говорится о рождении Сканды, сына Шивы, убившего Тараку-демона, с которого все и начинается. Рассказ о бракосочетании Шивы и Парвати заменяется рассказом о похоти Брахмы. Затем действие переключается на жертвоприношение Бали, в связи с чем вводится воплощение Вишну в виде Ваманы. После того, как вода выливается из кувшина Брахмы через ногу Вишну на голову

Шиве, в сюжет возвращается Парвати, но уже не как новобрачная, а как ревнивая жена. К тому моменту, когда река добирается до земли, уже можно считать, что сошествие осуществилось при содействии Брахмы, Вишну и Шивы, т.е. всей троицы. Махатмъи называют реку *тридайватъя* – «происшедшая от трех богов».

Другой важной частью сюжета является то, что Годавари по существу отождествляется с Гангой. После эпизода, рассказывающего о том, как Шива принял Гангу на свои спутанные волосы, а Парвати начала ревновать, повествование касается уже их обеих – и Ганги, и Годавари. Говорится о двух путях, которыми вода пришла на землю. При этом в тексте усматривается явное превосходство Годавари над Гангой. Годавари была спущена на землю раньше, чем Ганга, и поэтому называется Вриддха, или «Старшая» Ганга. К тому же Годавари, которая также называется Гаутами Ганга, была принесена на землю брахманом Гаутамой, личностью из более высокой касты, чем кшатрия Бхагиратха, который принес Бхагиратхи Гангу Северной Индии.

Различные эпизоды сюжета обнаруживают интерес брахманских авторов к аскетизму, получению милостыни, ведическому жертвоприношению, ритуалам, связанным с предками, уничтожению демонов и очищению от греха. В дополнение сюжет обнаруживает интерес к мотивам и темам, которые также звучат и в устной версии о происхождении реки Кришны*.

Годавари, как и Кришна из устной версии, впервые приходит на землю во время засухи. Ашрам Гаутамы, откуда начинается течение воды, представляет собой единственное место, где существует изобилие еды. Более того, подобно женщине по имени Кришна из устной версии, река на голове Шивы – тоже женщина; к женскому полу относится и корова, убийство которой дает повод для спуска реки на землю. В сюжете из махатмъи корова должна умереть, чтобы потекла река; в устной версии женщина Кришна также должна умереть, чтобы потекла река Кришна. И, наконец, сюжет из махатмъи начинается с мотива, который хотя и отсутствует в версии о Кришне, чрезвычайно важен в религиозной практике как низкокастового, так и высококастового населения Махараштры: настоятельная потребность пары – в данном случае божественных Шивы и Парвати – в приобретении сына.

Наиболее важными представляются два мотива: вода падает с небес на гору Меру и оттуда растекается по разным направлениям; один из потоков попадает с Меру на голову Шивы.

Горы, лингамы и Шива

Наиболее поразительная махараштрийская параллель к горе Меру обнаруживается в Махабалешваре. Здесь пять рек Панчаганги стекают с горы в разных (хотя и не четырех противоположных) направлениях: Гаятри и Савитри направляются на запад, по Деканскому побережью, а Кришна, Вена и Койна – на восток и юго-восток, по Деканскому плато. Другой мотив сюжета – о воде, падающей на голову Шивы, – обладает еще более явными и многочисленными параллелями в религиозной архитектуре верховий рек в Махараштре. Но там, где нарративный жанр разделяет гору и голову Шивы, превращая их в два различных участка речного русла, архитектура стремится отождествить Шиву с горой.

Очевидно, одним из важных аспектов объединения Шивы, гор и рек является сексуальная, или, как ее называют, «космосексуальная» образность. Индийские реки – в основном женские субстанции, а Шивалингам, который, по крайней мере частично, должен восприниматься как фаллос, является знаком, утверждающим мужской пол Шивы. Ревность жены Шивы к находящейся у супруга в волосах Ганге является традиционным мотивом, обнаруживаемом не только в санскритских текстах типа Гаутами махатмъя, но и в устном творчестве на региональных языках⁸, и указывает на существование сексуального элемента в отношениях между Шивой и реками.

*См. статью И.П. Глушковой. – Прим. ред.

Однако эта образность не явно сексуальная, как можно было бы ожидать. В сюжете Ганга обвиняет именно волосы Шивы, а не его пенис⁹, а лингамы горных вершин, с которых, по которым или под которыми течет река, если и представляют какую-либо часть анатомии Шивы, то его голову.

Как объяснил брахман, посещающий храм в Махабалешваре, тамошний неотшлифованный лингам с метками пяти рек понимается как *дзата*, т.е. спутанные волосы Шанкара (Шивы), через которые течет Ганга. В этом объяснении скрывается представление о том, что вся гора – Шива, а горная вершина – его голова. Подобно тому, как гора Говардхан отождествляется с Кришной, другие горы часто – явно или косвенно – отождествляются с Шивой, Шивалингамом или шивайтским божеством.

В случае с Брахмагири в Тръямбакешваре – отождествление горы с Шивой совершенно очевидно. Небольшой храм на вершине Брахмагири выстроен на ребристом участке скалистой поверхности горы. Эта грубая полоска скалы от 12 до 15 футов длиной и 5 футов шириной в самой широкой своей части называется дзатой Шивы, а вода, которая собирается в нижней части этой полосы, в дальнем углу храма, понимается как Ганга, т.е. Годавари. Отсюда река по подземному маршруту спускается к Гангадвару, расположенному на середине спуска с горы. В одной из традиций Брахмагири называется Шивой, спустившимся на землю в виде горы, в то время как другая традиция помещает Шиву внутрь горы. Это представление отражено в стихотворении Сены Нхави, святого поэта-варкари конца XIII – начала XIV в.:

Благословен, благословен царь Тримбак;
Я кланяюсь ему.
По его спутанным волосам течет Ганга,
Вокруг него Брахмагири,
А в середине – очаровательный Трипурари.

Традиция, согласно которой Шива находится внутри горы, была жива еще в конце XIX в. Справочник Бомбейского президентства по Насикскому округу за 1883 г. зафиксировал отражающую это представление откорректированную версию легенды, рассказывающую о ряде мест¹⁰, в том числе и о Двенадцати Джъотирлингамах («Лингамы Света»), на первое место среди которых претендует Тръямбакешвар. В справочнике приводится следующая история:

«В соответствии с местным толкованием, происхождение святости Тримбака связано с тем, что Брахма и Вишну спорили о Махадеве – Брахма высмеивал его, а Вишну превозносил до небес. Чтобы разрешить спор, они отправились путешествовать в разных направлениях: Брахма – в поисках плеч Махадэва, а Вишну – в поисках его стоп. Они договорились признать Махадева действительно великим, если поиски окажутся бесплодными. Брахма вернулся с двумя подкупленными свидетелями, чтобы доказать, что он обнаружил плечи. Разъяренный этим жульничеством Махадев проклял Брахму и сказал, что у того не будет приверженцев. В отместку Брахма силой загнал Махадева под землю и в ту же минуту над городом на высоту 2000 футов поднялся холм Тримбак».

В ритуале божественность горы в Тръямбакешваре выражается в обходе вокруг нее. Такой обход горы (*прадакшина*), осуществляемый и сегодня по нескольким маршрутам разной протяженности, представляет собой очень древний обычай. Считается, например, что отец известного мыслителя Днянешвара (XIII в.) совершил обход вокруг этой горы. Существует даже устная традиция, утверждающая, что Гаутама – мудрец, который во времена пуранической античности принес сюда Гангу – обошел вокруг Брахмагири 108 раз.

Жрец из храма дзаты с вершины Брахмагири объяснил, что в настоящее время такой обход совершается ежедневно: каждый раз два брахмана из Тръямбакешвара поднимаются рано утром и отправляются в 30-километровый маршрут (*десять косов*) вокруг горы. Жрец назвал эту практику «непрерывным обходом вокруг Махадева». Таким образом, гора Брахмагири и есть сам Шива.

Жрец-брахман, обслуживающий паломников в Тръямбакешваре, отождествил Брахмагири с Шивой другим способом. Этот человек объяснил, что гора Брахмагири имеет пять пиков (*шикхаре*), каждый из которых традиционно отождествляется с одним из пяти ликов Шивы: Садъоджата, Вамадева, Агхора, Татпуруша и Ишана. Годавари стекает с пика Ишана, или собственно Брахмагири, в то время как другие четыре реки стекают с других четырех ликов Шивы: Ахилья – с пика Садъоджата, Вайтарана – с пика Вамадевы, Банганга – с пика Агхора и Рамганга – с пика Татпуруша. Эта традиция, таким образом, не только воспринимает Брахмагири как Шиву, но и, используя реки, стекающие с горы вниз в разных направлениях, превращает Брахмагири в копию горы Меру.

В связи с Махабалешваром, как мы уже видели, существует выраженная традиция, в соответствии с которой махабалешварский лингам – это спутанные волосы Шивы, а вся гора – это Шива.

Я не обнаружила явных следов аналогичного восприятия горы в Бхимашанкаре. Однако похожая традиция зафиксирована в Бхимашанкар махатмье. Согласно ей, эту гору называют Ратхачал («Гора-колесница»), и Шива использовал ее в качестве колесницы во время битвы с демоном Трипурасура: бог Брахма выступил в роли возничего, Луна и Солнце стали колесами, а четыре Веды – конями. Другая история превращает лес в Бхимашанкаре в останки демона Бхимы, испепеленного Шивой, а сам Шива остается в этом же лесу по просьбе богов в облике Бхимашанкара. В том, что Шива принимает имя демона – Бхима в качестве первой части своего собственного, добавляя его в качестве префикса к привычному имени Шанкар, проявляется частое – явное или скрытое – отождествление демонов с богом, который их убивает¹¹.

Таким образом, существует поразительная согласованность между сюжетом о сошествии Ганги и религиозной архитектурой у истоков реки в Махараштре. Я не располагаю свидетельством, что обустройство истоков являлось сознательной попыткой зримого воплощения сюжета из махатмьи. Я также не могу привести примеров, свидетельствующих о том, что сюжет возник как отражение устройства этих или подобных мест. Тем не менее, очевидно, что сюжет о сошествии Ганги – это ключ к пониманию архитектуры. Я не рискнула бы устанавливать прямые причинные связи между двумя феноменами, однако нахожу этот параллелизм достаточно поразительным, чтобы считать его случайным совпадением. Он указывает, как я полагаю, на основной набор ассоциаций и образов, которые имеют глубокие корни и важны для индийской культуры.

Высказывая мысль, что эти ассоциации и образы важны для индийской культуры, я имею в виду то, что они необходимы не только людям, обладающим положением и властью определять планировку мест паломничества, а также людям ученым, желающим написать (или только прочитать) сюжет из махатмьи. Эти ассоциации и образы нужны также людям, чей авторитет является исключительно местным и чья образованность опирается на традиции, не обнаруживаемые в санскритских текстах. В двух последующих разделах этой главы я предложу еще один набор параллелей к архитектуре речных истоков и сюжету о сошествии Ганги. Эти параллели обнаруживаются в ритуалах, форму которых я опишу самым подробным образом. Эти ритуалы совершаются в основном деревенскими мужчинами, живущими в верховьях рек и непосредственно не связанными с престижными местами паломничества; они не знакомы с сюжетом из Гаутама махатмьи о происхождении Ганги.

Ритуалы приноса воды

Жители Махараштры совершают целый ряд ритуалов, в которых выражаются и используются ассоциации между реками, горами и Шивой. О наиболее простом из них я уже упомянула: во многих храмах Шивы, и не только в Махараштре, но и по всей Индии, сосуд с небольшим отверстием в днище подвешивается в алтарной части храма над лингамом, позволяя воде непрерывно капать на бога. Жрецы и верующие,

сделавшие такое устройство, создают тем самым то, что выглядит как параллель и к сюжету о Ганге, ниспадающей на голову Шиве, и к рекам, которые в своих верховьях или вблизи от них протекают над, под или вокруг Шивалингама.

Другая, в высшей степени поразительная параллель наблюдается во время чрезвычайного ритуала, который иногда совершается в Махаращтре в период засух. Исполняя этот ритуал, мужчины носят воду из реки в местный храм Шивы и наполняют ею алтарное помещение до тех пор, пока Шивалингам не окажется под водой. Мужчины совершают этот ритуал в надежде вызвать дождь. Они, таким образом, явно используют аналогию между Шивой и горами и между реками и дождевой водой¹².

Ритуалы подобного рода совершаются регулярно на календарной основе и обнаруживаются главным образом в отношении реки Годавари. Воду из этой реки приносят из множества святых мест (*кишетра*), расположенных вдоль Годавари, в особенности из Пайтхана. Ее льют на главных богов, расположенных в радиусе 60 км, к которым совершаются паломничества, а также на местных деревенских богов. Мужчины приносят воду Годавари из Пайтхана в разные сроки, включая ежедневный принос во время месяца *шраван* (июль-август), главным образом для богов Ханумана (или Марути) и Шивы (Махадева). Воду, которую носят для Махадева или Марути, часто выливают и на других деревенских богов – либо по усмотрению водоноса, либо в рамках деревенского обычая. В некоторых местах вода Годавари доставляется ко дню праздника того или иного бога.

Для переноса воды мужчины используют небольшие тыквенные сосуды или старые пластиковые бутылки. Большинство водоносов располагает двумя такими емкостями: их перебрасывают через плечо или же они свисают с обеих сторон коромысла, которое житель деревни несет на одном или двух плечах. Коромысло, пара тыквенных бутылей, вода, сама практика приноса воды и иногда люди, которые ее носят, называются *кавад* (мн.ч. *кавади*).

Разные деревни следуют разным правилам в отношении кавадов, но все соблюдают требование ходить за водой пешком и – самое главное – не опускать ее на землю. Если водонос отлучается по малой или большой нужде, он привязывает кавад к дереву или просит другого водоноса поддержать ношу. Некоторые водоносы говорят, что человек, совершающий омовение, стирающий свою одежду и заполняющий водой емкости в Годавари, не должен разрешать никому прикасаться к себе. Большинство водоносов передвигаются босиком, некоторые воздерживаются от еды.

Воду обычно доставляют в деревню к утренней службе (*пуджа*) в честь бога или богов, ради которых она и приносится. В соответствии с этим расписано все путешествие. Водоносы из разных деревень, с которыми я разговаривала субботней ночью месяца *шраван* в Пайтхане, сказали, что не должны покидать Пайтхан до полуночи. Время их выхода после полуночи зависит от того, куда им нужно идти. Некоторые места, в которые носят воду из Пайтхана, расположены так далеко, что до них невозможно добраться за ночь. Кавад, который должен прибыть в храм Канхобы (Канифнатха) в Мадхи (талука Патхарди, округ Ахмаднагар) к моменту омовения божества во второй половине дня новой Луны (*амавасья*) в месяце *пхалгун* (февраль-март), покидает Пайтхан на 12-й день темной половины пхалгуна, т.е. за три дня. Другой храм, в который поступает вода из Годавари, Вруддхешвар. Он находится в 60 км к юго-западу от Пайтхана, с северной стороны Балехата – вереницы холмов, отделяющих долину Годавари от долины Бхимы. Мужчины, которые доставляют воду Вруддхешвару в третий понедельник *шравана*, выходят из Пайтхана в полдень предшествующей субботы. По дороге они устраивают две ночевки и успевают присоединиться к процессии, направляющейся к храму ранним утром понедельника. Во время Махашиваратри вода должна прибыть во Вруддхешвар «свежей», поэтому водоносы не останавливаются на ночевку. Они выходят из Пайтхана вскоре после полуночи и добираются до Вруддхешвара к вечеру.

Воду из Годавари забирают только в Пайтхане и носят во Вруддхешвар на праздник в месяце *шраван* мужчины, проживающие в близлежащей деревне Гхатширас. Во

время празднования Махашиваратри, как сообщили в Гхатширасе, кавад из Годавари могут приносить и не жители Гхатшираса. При этом иногда вода забирается в Пунатамбе, хотя чаще – в Пайтхане. Точно так же по преимуществу чужаки, большинство из которых проживает в округах Ахмаднагар и Бид, а некоторые – в более отдаленных округах Пуна и Насик, во время фестиваля новолуния в пхалгуне носят воду из Пайтхана в Мадхи. Чужаки же приносят воду из Пайтхана в Нимба Дайтъя (тоже в талуке Патхарди) во время празднеств в дни паломничества.

Указанные храмы связаны с календарным паломничеством, и вода Годавари доставляется в них в период главных ритуальных фестивалей-паломничеств. Для большинства богов воду из Годавари во время месяца шраван ежедневно доставляют мужчины своей деревни (один или двое в определенный день).

Похоже, в деревнях все дома несут ответственность за доставку воды и омовение бога в тот или иной день месяца шраван. Мужчина из деревни в талуке Дзална объяснил, что у них дни расписываются в начале месяца. Несколько человек собираются вместе, составляют список имен с присвоением каждому имени своего номера. Эти номера записываются на клочках бумаги, и затем их вытягивают, устанавливая таким образом очередность на протяжении всего месяца. Уведомление с соответствующими именами и датами вывешивается в деревенском храме Марути. Так что каждый знает, кто и когда должен приносить воду из Пайтхана.

Во многих деревнях обитатели, ответственные за доставку воды в определенный день, могут это сделать сами или нанять кого-нибудь. В последнем случае это называется «дать работу», или «дать зарплату». Многие из водоносов, с которыми я разговаривала в Пайтхане, были наняты для доставки воды, и некоторые из них в месяце шраван совершали переходы каждый день. Обычно эти водоносы отправляются в путь после полуночи; идут ночью, утром выливают воду на богов, едят и отдыхают, а к вечеру возвращаются в Пайтхан. Одни из них, следуя обычаю, в Пайтхан и обратно идут пешком. Другие, по их словам, иногда или всегда пользуются автобусом. Плата за работу фиксированная и в каждой деревне зависит от пройденного расстояния.

В деревне Гхотан, расположенной около 15 км к югу от Пайтхана, на дороге к Ахмаднагару, существует своя особая традиция. Здесь жители носят воду в старый храм Малликарджунешвара, а также в храмы других деревенских божеств на 13-й день светлой половины месяца *чайтра* (март-апрель) и каждый понедельник шравана. Первый понедельник шравана тут – особенный. В этот день представитель шести семейств по фамилии Шелке приносит из Пайтхана воду Годавари для Малликарджунешвара в знак благодарности за то, что этот бог оказал содействие предкам Шелке (по одной версии, это случилось в 14-м поколении, по другой – в 25-м) в приобретении потомства: муж и жена съели по незрелому плоду манго, которые появились на пинде Махадева в храме, и у них стали рождаться дети. С тех пор численность семейства Шелке продолжает увеличиваться.

За исключением этого случая, ритуал доставки воды из Годавари деревенским богам представляет собой, скорее, гражданский акт, подтверждающий принадлежность к деревенской общности, нежели акт личного благощестия или семейной традиции. Ритуал совершается не для того, чтобы приобрести новые глы расплатиться за полученные ранее милости от божества. Водоносы все время убеждали меня, что они это делают не потому, что исполняют *навас* (обет). Этот ритуал, по их словам, – старинный обычай, полученный от предков, и его следует выполнять добровольно.

То, что проделывают эти люди, – это лишь один пример ритуальной циркуляции воды, которая, похоже, наблюдается по всей Индии. Многие паломники, например, несут в Рамешварам, что на крайнем юге Индии¹³, воду, взятую из Ганги и в Варанаси. Еще большее число паломников приносят воду Ганги домой и хранят ее годами в домашнем алтаре в закрытой емкости. Модии описывает емкости, которые использовались для забора воды из Годавари во время празднования Симхастха в

Насике в начале 1920-х годов. И тогда, и сегодня воду из Ганги хранят и употребляют с одной и той же целью.

Моди пишет: «Я обратил внимание, что в дни паломничества Симхастха лудильщики на берегу громко стучали, изготавливая какие-то жестянки. Паломники не только совершали омовение в священной воде и пили ее, но и уносили воду домой в таких жестянках. Они покупали жестянки разных размеров у лудильщиков, несли их к реке, наполняли священной водой и возвращались обратно к лудильщикам, чтобы запаять жестянки для надежной сохранности воды. Я расспросил и узнал, что эта вода после того, как ее принесут домой, с благочестивыми помыслами выпивается теми членами семейства, которые не смогли принять участие в паломничестве. Вода хранилась в семьях 8–10 лет и в случае каких-то чрезвычайных обстоятельств или болезней пользовалась большим спросом среди соседей и прочих жителей деревни или города как талисман или снадобье. Некоторые люди, чтобы обеспечить себе добродетели, пьют ее на смертном одре»¹⁴.

Известно множество примеров, когда воду из других рек, помимо Годавари и Ганги, переносят с ритуальными целями с места на место¹⁵. Так, взятую из реки Бхимы воду относят в храм богини Болхаи, расположенный к северо-востоку от Пуны. Люди, приносящие воду Болхаи, идут босые пешком около 3 км. Круглосуточно по воскресеньям, а также в дни полнолуний и новолуний, воду из Бхимы доставляют мужчины – члены семейства, владеющих *инамом* – наделом в несколько акров земли, который они получили за оказанные услуги. Кроме того, от 100 до 150 мужчин (теоретически по одному от каждого дома) в деревне, где находится храм Болхаи, носят воду богине семь вторников подряд, начиная с первого вторника месяца *ашадх* (июнь-июль). Вода используется в храме для ежедневного богослужения (*пуджа*), совершаемого ранним утром. В седьмой вторник, который уже приходится на месяц шраван (июль-август), жители выходят за пределы деревни и устраивают трапезу на природе.

В ряде случаев воду, взятую из одной реки, выливают в другую. Когда Рагхунатхрав Винчуркар совершил в 1860 г. паломничество в Северную Индию, он принес домой воду из Ганги. Одна часть воды пошла на обрызгивание деревенских богов, другая – на омовение его матери. Несколько бутылок он отнес в Саякхеде для того, чтобы в этом месте вода Ганги встретилась с водой Годавари¹⁶. В 1959 г. была зафиксирована самая дальняя транспортировка: воду из Ганги на самолете доставили в Нью-Йорк. Здесь ее смешали с водой, взятой из рек в 60 странах мира, и с лодки вылили в реку Гудзон.

Наконец, иногда вода, совершающая ритуальное путешествие, поступает не из речного источника. Один из подобных примеров обнаруживается в Гхрушнешваре, храме Джъотирлингама в Веруле (Эллоре). Гхрушнешвар расположен в бассейне реки Годавари, на расстоянии около 50 км к северу от самой реки. В Гхрушнешваре находится большой пруд под названием Шивале. Во время шравана (июль-август) некоторые деревни из талук Каннад, Вайдзапур и Гангапур Аурангабадского округа отправляют своих мужчин за водой к Шивале (вместо или наряду с Годавари). Как-то субботней ночью в шраване 1988 г. мужчины забирали воду из Шивале и несли ее в небольших тыквенных бутылках, подвешенных на шею на переплетенном шнуре. Эти люди должны были следовать приблизительно тем же правилам, что и водоносы, забирающие воду из Годавари. Некоторые из них рассказали, что вода из Шивале в их деревни доставляется каждую ночь месяца шраван, а из Годавари – к третьему понедельнику шравана.

В Гхрушнешваре, как и во Вруддхешваре, третий понедельник считается самым важным днем в шраване. Когда вода доставляется одновременно и из Годавари, и из Шивале, то сначала изливается на богов вода из Годавари, а затем – из Шивале. Хотя никто из мужчин не говорил этого, но можно предположить, что в некоторых деревнях вода из Шивале служит заменителем воды из Годавари.

Интерпретации

Перенос воды совершается с давних времен и до сих пор в силу традиции. Люди, участвующие в этом ритуале, подобно художникам или скульпторам, не обязаны словесно объяснять цель совершаемого ритуала или объяснять, что он означает. Цель ритуала скрыта в нем самом и его значение не выражается открыто. «Фольклорная религия», если повторить слова Зонтхаймера, «сама себя не объясняет». Тем не менее, если кто-то из посторонних спросит о словесной формулировке значения ритуала, его участники иногда пытаются оказать подобную услугу.

Например, стараясь объяснить, почему вода должна переноситься из одного места в другое, люди говорят, что это *павитра*. Термин «павитра», лучше всего переводимый как «святой», «священный» или, возможно, как «чистый», «очищающий», понять непросто. Когда просишь кого-нибудь объяснить, как понимать, что вода из какого-либо места – павитра, люди, как правило, пытаются дать ответ с позиций святости самого места (это *кшетра*, *тиртха* и т.д.). Упомянуты святых, которые там жили, или аскетов, которые там предавались аскезе; ссылаются на направление течения реки в данном месте; отождествляют само место или воду с другим святым местом или другой святой водой; подчеркивают святость истока реки.

Случается, люди дают ответ, который мало что объясняет: они увязывают святость воды с какой-либо другой святостью, не раскрывая понятия «святость». Один человек, пришедший в Пайтхан, чтобы отнести воду из Годавари в свою деревню, ответил коротко: «Это чистая вода». И затем добавил: «Эта вода считается богом. Переносимая в другую деревню вода расценивается как если бы это был сам бог... Я подозреваю, что она – подобие бога. Она должна переноситься, забираться и изливаться на богов».

Жрецы из храма Болхаи предложили мне современную, экологическую интерпретацию чистоты речной воды, которую они используют для омовения своей богини. Они сказали, что воду для храма Болхаи приносят из реки Бхимы, а не из Мулы-Мутхи, которая находится приблизительно на таком же расстоянии от Болхаи, но в противоположной стороне. Вода Мулы-Мутхи, по словам жрецов, – грязная, т.е. загрязненная индустриальными и городскими отходами Пуны. Вода же Бхимы – чистая. Приведя «экологическое объяснение», жрецы напомнили, что Бхима течет с Бхимашанкара, т.е. с места Шивы, и, таким образом, является подходящей, чтобы быть излитой на Болхаи, отождествляемой с женой Шивы – Парвати.

Несколько человек, носящих воду из Пайтхана, связали этот ритуал с богом Витхобой (или Пандурангой) и его приверженцем поэтом Экнатхом – святым XVI в., благодаря которому Пайтхан широко известен в наши дни. Мужчины забирают воду возле тиртхи Камал у находящегося на окраине города храма самадхи Экнатха. Считается, что это то самое место, где Экнатх, распевая песнопения, вступил в воду с тем, чтобы больше никогда не появиться.

Однажды, как рассказали мне, Экнатх нес из Варанаси в Рамешварам кавад воды из Ганги. На пути он встретил мучимого жаждой осла. Экнатх подумал, что это бог Пандуранга, и напоил его водой из Ганги. Таким образом, согласно этой благочестивой интерпретации, ритуал переноса воды имитирует то, что когда-то совершил святой. Впрочем, агиографические сведения подчеркивают, что ритуал переноса воды для Экнатха был подчинен заботе о живой твари.

Водоносы в Пайтхане также воспринимают свой ритуал как подражание тому, что бог Экнатх совершает каждый год. В одном из храмов Экнатха в Пайтхане, расположенном в городском доме, есть большой глиняный кувшин, который называют «кувшином Натха для воды». Во время ежегодного празднества в честь Экнатха на пятый день темной половины месяца пхалгун (февраль-март) верующие приносят из реки воду в кружках и выливают ее в кувшин Натха. Однако сколько бы наполненных до краев кружек они не принесли, кувшин не наполняется доверху. На Натх шашти (следующий, шестой день темной половины пхалгуна), в кульминационный

день праздника, из кувшина неожиданно через края льется вода. Как говорят, сам Пандуранга приносит кавад из Пандхарпура, выливает свою воду в кувшин, и тот, наконец, наполняется доверху.

Кроме нечетких представлений о святости или божественности доставляемой воды, а также благочестивых объяснений, связанных со святыми (бхактами) или богами, переносимыми кавад, я могу предложить две дополнительные интерпретации, по крайней мере, некоторых ритуалов, связанных с переносом воды. Ни одна из них не была словесно выражена ни одним из участников, с которыми я беседовала, однако, как я полагаю, они могут пояснить невыраженные, подразумеваемые, невербальные значения ритуалов.

Согласно одной из этих интерпретаций, ритуал переноса воды из Годавари отражает важное значение реки для деревень рассматриваемого региона. Ритуал наглядно показывает, что река служит цели объединения разбросанных деревень в единую общность. Нося воду и выливая ее на богов деревень, расположенных по всему сопредельному пространству, отграниченному рекой, люди превращают этот регион в зримо реальный.

Вторая интерпретация ритуалов переноса воды становится более очевидной тогда, когда реципиентом воды является бог Шива. В таких случаях ритуал имеет прямое отношение к ассоциациям с Шивалингамом, горами и реками, о чем уже говорилось в этой главе. Эти ассоциации особенно очевидны, когда речь заходит о воде, доставляемой к Шивалингаму, который находится на вершине горы. Наиболее театрально обычной такого рода обставлен не в районе Годавари, хотя и Вруддхешвар является хорошим примером, а в Шингнапуре.

Здесь, на самом высоком пике горной гряды, которая определяет ландшафт на десятки миль вокруг, расположен главный на юго-западном плато Махараштры храм фольклорного Махадева (Шивы). Тут на 12-й день светлой половины месяца чайтра (март-апрель) собираются мужчины (и женщины), пришедшие из разных мест, находящихся достаточно далеко от Шингнапура. Мужчины несут тяжелые деревянные кавады с двумя большими латунными сосудами, прикрепленными к центральной части коромысел. Водой из кавадов они поливают храмовый Шивалингам¹⁷. Этот ритуал не только вводит образ горы в качестве Шивы с Гангой на голове, но и предлагает перевернутую модель горы Меру – с водой, поднимающейся из разных направлений вверх по горе, а не стекающей вниз.

Люди, которые носят кавад – в Шингнапуре или с реки Годавари – не брахманы. Они не понимают санскрита. Я не знаю, знакомы ли им маратхские версии сюжета о сошествии Ганги¹⁸. Однако, похоже, никому из тех, с кем я разговаривала, не пришла в голову мысль об этом сюжете в связи с их ритуалом. По этой причине я не решаюсь утверждать, что ритуал имитирует сюжет или что сюжет предлагает модель для ритуала. Скорее, как я думаю, ритуал выражает глубокое осознание важности совмещения реки или рек и горы (последняя и есть Шива). Таким образом, ритуал, как и архитектурная организация верховий рек, представляет собой значимую параллель к истории о сошествии Ганги, хотя и не обязательно происходит из нее. И сюжет, и ритуал, и архитектура – все они отражают фундаментальный набор представлений, образов и ценностей, более укоренившихся и основополагающих, чем различия в способах их выражения.

В абстрактных терминах содержание этих представлений, образов и ценностей сформулировать значительно труднее, чем через мифологическую, архитектурную и ритуальные формы, в которых они находят свое надлежащее выражение. Одно предположение, которое я могу сделать, – это снова обратиться к ассоциации между Шивой и горами, которая выдвигает на первый план необузданный характер бога: его статус как чужака в «цивилизованном» мире и его связи с опасными проявлениями природы. Сюжет, архитектура и некоторые из ритуалов, которые я описала в этой главе, приносят в эту ассоциацию и реки. Сюжет о сошествии Ганги помещает реку на вершину горы (горы Меру) и на спутанные волосы Шивы. Религиозная архитектура

обнаруживает реки на вершинах гор и размещает неподалеку от них Шивалингам. В некоторых ритуалах, связанных с переносом воды, мужчины несут на себе воду к Шивалингаму, иногда к тому самому, который находится на горной вершине. Всеми тремя способами (сюжет, архитектура и ритуал) люди объединяют реки с Шивой и горами. Причиной этого отчасти может быть то, что, подобно Шиве и горам, реки рассматриваются как воплощение буйства природы.

Кроме того, возможно, люди объединяют реки с Шивой и горами потому, что они видят реки не просто похожими на Шиву и горы, но и дополняющими их. Реки делают возможным культивирование дикой природы. После того, как реки покидают места своего рождения на горных вершинах, они образуют равнины и текут по ним, содействуя процветанию сельского хозяйства, деревень и вообще «цивилизации» – так реки способствуют созданию таких ценностей, как изобилие продуктов и богатство.

Как мы уже видели, важный аспект взаимосвязи между реками, с одной стороны, и Шивой и горами, с другой, выражается в сексуальной образности. Шива, его лингам и гора (она уравнивается и с лингамом, и с Шивой) имеют мужской пол; Ганга и большинство других рек – женский. Когда и то, и другое совмещается, как это происходит в архитектуре, сюжете и рассмотренных здесь ритуалах, то совмещение выступает как мощный образ плодородия. В следующей главе моего исследования я объясняю скрытый смысл этого спаривания, не касаясь, однако, вопроса о мужской потенции Шивы и его горы-лингама, и сосредоточиваю внимание на женском естестве рек и плодородии, которому способствуют Шива и гора.

Примечания

¹ Gazetteer of the Bombay Presidency. Nasik, 1883. P. 7–8. Справочник описывает в качестве религиозно значимого источника Годавари Гангадвар, находящийся значительно ниже того водоема на горной вершине, который по существу и признается первоисточком реки. Поскольку там отсутствует «пролет хорошо выложенных каменных ступеней», ведущих к вершине горы, автор описания в справочнике вполне мог упустить из виду это более высокое место (как случилось со мной во время моих первых посещений Трѳямбакешвара). А оно тем не менее на протяжении веков ежегодно посещалось бесчисленным количеством паломников. То, что справочник называет «истинным истоком» Годавари, является ручьем под названием Кирки, который соединяется с Годавари приблизительно через пять миль к северо-востоку от Трѳямбакешвара возле деревни Чакори.

² Гуравы – в Махараштре – храмовые жрецы небрахманского происхождения, отправляющие официальное богослужение в основных храмах Шивы и некоторых храмах Деви (богини).

³ Рудракша («глаза Рудры») – твердые семена *Elaeagnus lanceolatus*, собранные в бусы, которые приверженцы Шивы используют как молитвенные четки.

⁴ Эта традиция вызвала особую досаду у Мандлика. «В храме Махабалешвара, – пишет он, – жрецы показывают исток Кришны, но, к несчастью, для них исток реки находится выше уровня храма, и поэтому их версия должна быть отброшена как опровергнутая математикой выдумка. Считающуюся здесь священной Кришну следует соотносить со священным же истоком, а порочность человека в данном случае, похоже, оставляет в стороне содеянное Богом благодеяние – подлинный исток реки – и отводит низкому символу, изобретенному дикими горными племенами, роль первоисточка священной реки». См.: *Mandlik R.S.V.N. The Shrine of the River Krishna at the Village of Mahabaleshvara // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. 1870. № 11. P. 250–261.*

⁵ Считается, что другой, даже, больший по размеру, чем Кушаварта, водоем у подножия горы, возвышающейся над деревней Трѳямбакешвар, не содержит речной воды. Вследствие этого он не имеет религиозного значения с ритуальным использованием и мифологическими связями, как водоем Кушаварта.

⁶ Первый из этих водосмов используется для омовения, а второй – для стирки. Когда-то оба они использовались для разделения совершающих омовение по кастам.

⁷ В результате этого отождествления терминология становится несколько запутанной. По моим представлениям, термин «Ганга» обычно употребляется в языке маратхи в трех значениях: как название реки в Северной Индии, известной также как Бхагиратхи и Джалнави; как наименование Годавари; как слово, обозначающее реку и употребляющееся по отношению к любой реке. Английский эквивалент названия the Ganges я использую для обозначения североиндийской реки. [При переводе на русский язык оказалось невозможным пойти по тому же пути по ряду причин, в том числе из-за общей парадигмы в предложном падеже – «в Ганге», поэтому во всех случаях употребляется общиндийский вариант женского рода – Ганга. – И.Г.].

⁸ С.В. Ранганна сообщает, что «фольклорный бард» из Карнатака превращает Гаури в «мегеру, носящую Шиву и угрожающую ему: "Пригни свою башку и заходи, господин Шива, а не то зацепишься о

дверной косяк и вышибешь себе последние зубы. И лучше сделай, как я говорю: сбрось девчонку с головы на землю перед тем, как войти!»». *Ranganna S.V. The Folk Literature of Karnatak // Karnataka Darshana. Volume Presented to Shri R.R. Diwakar on his Sixtieth Birthday. Bombay, 1956.*

⁹ Фрейдистская интерпретация назвала бы это заменой. Историю о лингаме, который отрачивает волосы. см.: *Hiltebeitel A. The Cult of Draupadi. Vol. 1: Mythologies Form Gincee to Kuruksetra. Chicago, 1988.* Что касается возможности того, что река – это семя, извергнутое из лингама, то наибольшим приближением к этой идее является интерпретация эпизода из санскритской Гаутами махатмьи, предложенная С.А. Данге. Согласно ей, вода, превращающаяся в конечном счете в Гангу, т.е. Годавари, или Бхагиратхи, первоначально была семенем Брахмы. *Dange S.A. Nadyancya Janmakatha: Kahi Pauranik Tattva-bandh // Vidarbha Samsodhan Mandal Varsik. 1878. № 21. P. 40–53.*

Я думаю, однако, что Данге неверно интерпретировал обсуждаемый пассаж; это не воспринимается так в маратхской версии Гаутами махатмьи, в немецком пересказе санскритского текста (см.: *Sohnen R., Schreiner P. Das Gautamimahatmya und seine vedischen Quellen. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag. B., 1986*) или в маратхском переложении пураны, опубликованном в Пуне в 1913 г.

¹⁰ См.: *Sontheimer G.-D. Pastoral Deities in Western India. N.Y., 1989. P. 207–210.* В большинстве версий этого предания Брахма и Вишну разыскивают начало и конец лингама Шивы, а не его плечи и ноги.

¹¹ И в Махабалешваре Шива (Махабалешвар) носит имя демона, которого он поразил, а именно Махабала, а также имя Атибала (Атибалешвар) – другого демона, убитого Вишну. Храм Атибалешвара находится совсем близко от храма Махабалешвара – по другую сторону тропинки, ведущий от храма Панчаганги. Несмотря на традицию, отождествляющую Атибалешвара с Вишну, объект поклонения внутри храма Атибалешвара – Шивалингам, или пинд, а окончание божьего имени (-ишвара) то же самое, что встречается исключительно в шиваитском контексте.

Версия истории Махабалешвара – Атибалешвара, рассказанная жрецом-гуравом (необрахманская каста священнослужителей) в храме Махабалешвара, повествует о двух демонах, ведущих свое происхождение от лингама, который был принесен с Кайласа – горы Шивы, и таким образом подтверждает как отождествление демонов с Шивой, так и связь между Шивалингамом и горами.

¹² В Ваи, например, когда долго нет дождей, мужчины наполняют алтарь (*гарбхагруха*) храма Умамахешвара водой из реки Кришны. Говорят, что для решения этой задачи требуется от 40 до 50 человек. Считается, что если наполнить алтарь утром, то уже к вечеру пойдет дождь – как это случилось в прошлом – 15 августа 1987 г.

¹³ Кагалкар, например, отмечает, что жрецы из Харидвара [в предгорьях Гималаев. – *И.Г.*] имели обыкновение набирать там воду из Ганги и относить ее в Рамешварам [на юге Индии. – *И.Г.*]. М.Н. Кагалкар также сообщает, что в 1935 г. ученик Гулабрава Махараджа из Видарбхи в соответствии с пожеланием своего гуру перенес в Аланди [местечко возле г. Пуны в Западной Махараштре. – *И.Г.*] кавад воды из Ганги в Праяге [Аллахабаде. – *И.Г.*]. См.: *Kagalkar M.N. Sri Narmada Mahatmya (Dharmik va Bhaugolic). Nanded, 1969, P. 7.* Описание современных раджастханских паломников, приносящих домой воду из Ганги, см.: *Gold A.G. Fruitful Journeys: The Ways of Rajasthani Pilgrims. Berkeley, 1988.*

¹⁴ *Modi J.J. A Visit to Nasik on the Opening Days of the Present Sinhast Pilgrimage // Journal of the Anthropological Society of Bombay. 1922. № 12. P. 493–527.*

¹⁵ Мне стало известно о таких ритуалах в отношении Пурны, Кришны, Кархи и Бхимы.

¹⁶ Биограф Рагхунатха Винчуркара Г.С. Леле с изумлением сообщает, что как только бутылки с водой из Ганги были поставлены на берег возле Годавари и с них сняли крышки, вода Ганги начала подниматься и переливаться через края бутылки. См.: *Lele G.S. Tirthyatra Prabandhana. Pune, 1964. P. 107–108.*

¹⁷ По оценкам 1994 г., в празднествах паломников, кульминацией которого и является этот ритуал, приняло участие 500 тыс. человек. В настоящее время большинство кавадов доставляется в Шингнапур на буйволиных повозках или рейсовых автобусах по шоссе на дорогам, которые сходятся на горе. Большую часть основных громоздких кавадов несут (или поднимают на веревках) вверх по перевалу Мунги, по чрезвычайно крутой и в высшей степени сложной тропе, расположенной с северной части горы.

На практике большинство кавадов приносят в Шингнапур пустыми. Огромные кувшины, заполненные водой, становятся неподъемной ношей, а из маленьких, которые привозят на автобусах, вода может расплескаться из-за тряски. Многие группы паломников наполняют свои кавады водой из большого искусственного озера, находящегося на плато на некотором расстоянии внизу от храма.

Несмотря на эти факты, до сих пор существует множество указаний на то, что идеей ритуала является принос воды из дома и последующее выливание ее на Шивалингам на горе. Главный кавад, например из Сасвада, приносят в Шингнапур пустым и пустым же поднимают по перевалу Мунги, но паломники, сопровождающие кавад, несут с собой и маленький закуоренный сосуд, наполненный водой из реки Кархи именно в Сасваде.

¹⁸ А.Д. Голд сообщает, что ее информаторы были осведомлены о сюжете о сошествии Ганги и действовали в соответствии с некоторыми его частями.

Перевод с английского И.П. Глуцковой